

Рабиндранат Тагор

ЖАЛКИЙ ДАР

Слуга сказал: «О махарадж¹, мудрец не внял мольбам,
Он не желает посетить твой златоверхий храм.
Сегодня у дороги он нашел себе приют,
И толпы верующих с ним молитвы богу шлют.
Волненьем, трепетом полны и радости святой,
Они земную славят пыль, а храм — почти пустой!
Как, жаждою опалена, летит к цветку пчела,
Покинув улей золотой, расправив два крыла,—
Так женщин и мужчин толпа, богатый храм забыв,
Стремится к лотосу-душе. Он, лепестки раскрыв
В пыли дорожной, аромат несет людским сердцам —
И одиноко божество, и пуст твой царский храм».

Обеспокоенный раджа покинул царский трон.
Он видит садху^{2*} на траве, в тени зеленых крон.
«Почтенный, почему отверг ты пышный храм раджи?
А славить господа в пыли достойно ли, скажи?» —
«В том пышном храме бога нет», — последовал ответ.
«Безбожник, что ты говоришь! Нет бога? Бога нет?
На драгоценном алтаре не бог изображен?
Иль в храме этом пуст алтарь и пуст священный трон?»
«Не пусто в храме, махарадж. Гордыня там и спесь.
Безмерной гордостью царя твой храм пропитан весь.
Не всеблагое божество вселилось в этот храм —
Себя ты в храме утвердил, в нем царствуешь ты сам!»
«Я двадцать лакхов³ рупий дал, я этот храм воздвиг,
Он устремился к небесам, он облаков достиг.
Бог принял дар мой!..— Тут раджа нахмурил грозно лик:
Так отчего ж там бога нет? Ответствуй, еретик!»

Святой спокойно отвечал: «А помнишь ли ты год,
Когда пожаром разорен был бедный твой народ?
Двадцатитысячной толпой стоял он у дворца,
Он тщетно помощи просил у своего отца.
И, не добившись ничего, бездомные ушли;
Они в пещерах и лесах жилища обрели,
И запустелые двory разрушенных домов,
Кусты, проросшие из стен, страдальцам дали кров.
Деревьев купы — их приют, обочины дорог...
За двадцать лакхов рупий ты вознес тогда чертог.
Твою кичливость, спесь твою тот храм собой являл.
Ты богу отдал этот храм, но бог тогда сказал:
«Обитель вечная моя и выше и прочней,—
Небес бескрайних синева, где тысячи огней.
Основа дома моего — Мир, Истина, Любовь,
Куда ж переселить меня тот скряга хочет вновь?
Ничтожный, слабенький гордец в бессилии своем
Не может подданным помочь, а мне он дарит дом?!»
И бог ушел под сень ветвей, отверг он пышный храм,—
Он к людям навсегда ушел, к бездомным беднякам.
Хоть пена в море и пышна, но пустота внутри.
Так полон гордостью твой храм и пуст он,— посмотри!»

«Негодный шут,— вскричал раджа и головой затряс,—
Мерзавец, убирайся вон, изыди сей же час!»
«Куда ты преданность изгнал,— ответ был мудреца,—
Туда и преданных гони от своего дворца».

Перевод Г. Ярославцева

1900

Примечания

1. Махарадж — феодальный титул царь, великий царь; слово может использоваться в качестве льстивого обращения к какому-нибудь вышестоящему лицу.
2. Садху — подвижник, святой странник.
3. Лакх — счетная единица, равная ста тысячам.

Во двор срабона входят тучи, стремительно темнеет высь,
Прими, душа, их путь летучий, в неведомое устремись,
Лети, лети в простор бескрайний, стань соучастницею тайны,
С земным теплом, родным углом расстаться не страшись,
Пусть в сердце боль твоя пылает холодной молнии огнем,
Молись, душа, всеразрушенью, заклятьями рождая гром.
К тайнице тайн причастна будь и, с грозами свершая путь,
В рыданьях ночи светопреставленья — закончись, завершись.

Перевод М.Петровых

ЖИЗНЬ

В этом солнечном мире я не хочу умирать,
Вечно жить бы хотел в этом цветущем лесу,
Там, где люди уходят, чтобы вернуться опять,
Там, где бьются сердца и цветы собирают росу.
Жизнь идет по земле вереницами дней и ночей,
Сменой встреч и разлук, чередою надежд и утрат,-
Если радость и боль вы услышите в песне моей,
Значит, зори бессмертия сад мой в ночи озарят.
Если песня умрет, то, как все, я по жизни пройду -
Безымянною каплей в потоке великой реки;
Буду, словно цветы, я выращивать песни в саду -
Пусть усталые люди заходят в мои цветники,
Пусть склоняются к ним, пусть срывают цветы на ходу,
Чтобы бросить их прочь, когда в пыль опадут лепестки.

Перевод Н. Воронель.

Рабиндрат Тагор. Лирика.

ЖИЗНЬ ДРАГОЦЕННА

Знаю - виденью этому однажды конец придет.
На веки мои тяжелые последний сон упадет.
А ночь, как всегда, наступит, и в ярких лучах сиять
В проснувшуюся вселенную утро придет опять.
Жизни игра продолжится, шумная, как всегда,
Под каждую крышу явится радость или беда.
Сегодня с такими мыслями гляжу я на мир земной,
Жадное любопытство сегодня владеет мной.
Нигде ничего ничтожного не видят глаза мои,
Кажется мне бесценною каждая пядь земли.
Сердцу любые малости дороги и нужны,
Душе - бесполезной самой - нет все равно цены!
Мне нужно все, что имел я, и все, чего не имел,
И что отвергал когда-то, что видеть я не умел.

Перевод В.Тушновой

Верхушка говорила с похвальбою:
«Моя обитель — небо голубое.
А ты, о корень, житель подземелья».
Но корень возмутился: «Пустомеля!
Как ты смешна мне со своею спесью:
Не я ль тебя вздымаю к поднебесью?»

Перевод А. Ибрагимова
1899

ВО ДВОР СРАБОНА ВХОДЯТ ТУЧИ...

Во двор срабона входят тучи, стремительно темнеет высь,
Прими, душа, их путь летучий, в неведомое устремись,
Лети, лети в простор бескрайний, стань соучастницею тайны,
С земным теплом, родным углом расстаться не страшись,
Пусть в сердце боль твоя пылает холодной молнии огнем,
Молись, душа, всеразрушенью, заклятьями рождая гром.
К тайнице тайн причастна будь и, с грозами свершая путь,
В рыданиях ночи светопреставленья — закончись, завершишь.

Перевод [М.Петровых](#)

Рабиндрат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.

ВСЕУНИЧТОЖЕНИЕ

Везде царит последняя беда.
Весь мир она наполнила рыданьем,
Все затопила, как водой, страданьем.
И молния среди туч — как борозда.
На дальнем бреге смолкнуть гром не хочет,
Безумец дикий вновь и вновь хохочет,
Безудержно, не ведая стыда. Везде царит последняя беда.
Разгулом смерти жизнь пьяна теперь,
Миг наступил — и ты себя проверь.
Дари ей все, отдай ей все подряд,
И не смотри в отчаянье назад,
И ничего уж больше не таи,
Склоняясь головою до земли.
Покоя не осталось и следа.
Везде царит последняя беда.
Дорогу должно выбрать нам сейчас:
У ложа твоего огонь погас,
В кромешном мраке затерялся дом,
Ворвалась буря внутрь, бушует в нем,
Строенье потрясает до основ.
Неужто ты не слышишь громкий зов
Твоей страны, плывущей в никуда?
Везде царит последняя беда. Стыдись!
И прекрати ненужный плач!
От ужаса лицо свое не прячь!
Не надвигай край сари на глаза.
Из-за чего в душе твоей гроза?
Еще твои ворота на запоре?

Ломай замок! Уйди! Исчезнут вскоре
И радости и скорби навсегда.
Везде царит последняя беда.
Ужель твой голос скроет ликование?
Неужто в пляске, в грозном колыханье
Браслетам на ногах не зазвучать?
Игра, которой носишь ты печать,—
Сама судьба. Забудь, что было прежде!
В кроваво-красной приходи одежде,
Как ты пришла невестою тогда. Везде, везде — последняя беда.

Перевод А. Ахматовой¹

Рабиндранат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.

ГЕРОЙ БЕНГАЛИИ

За стенкою Бхулубабу¹, худея от изнеможения,
Читает громко таблицу умножения.
Здесь, в этом доме, обитель друзей просвещения.
Юный разум познанию рад.
Мы, *В.А. and М.А.*², я и старший мой брат,
Три главы прочитали подряд.
Жажда знанья в бенгальцах воскресла.
Мы читаем. Горит керосин.
Возникает в сознании много картин.
Вот Кромвель³, воитель, герой, исполин,
Обезглавил владыку Британии.
Голова короля покатилась, как манговый плод,
Когда его палкою с дерева мальчик собьет.
Любопытство растет...
Мы читаем часы напролет
Все настойчивей, все неустаннее.
За родину жертвуют люди собой,
Вступают они за религию в бой,
Расстаться готовы они с головой
Во имя возвышенного идеала.
Откинувшись в кресле, читаю я жадно.
Уютно под крышей у нас и прохладно.
Написаны книги разумно и складно.
Да, читая, узнаешь немало.
Помню я имена тех, кто в поисках знания
Во власти дерзания
Пустился в скитания...
Рожденье... Кончина... За датую дата...
Понапрасну минуты не трать!

Это все записал я в тетрадь.
Знаю: многим пришлось пострадать
За правду святую когда-то.
Ученые книги листали мы,
Своим красноречьем блистали мы,
Кажется, взрослыми стали мы...
Долой унижение! Долой подчинение!
Зубря день и ночь, за свои мы воюем права.
Большие надежды, большие слова...
Поневоле тут кругом пойдет голова,
Поневоле придешь в исступление!
Мы не глупей англичан.
Страх перед ними забудь!
Мы от них отличаемся с виду чуть-чуть,
Так ведь не в этом же суть!
Мы — дети Бенгалии славной,
Мы британцам уступим едва ли.
Мы книги английские все прочитали.
Пишем к ним комментарии мы на бенгали.
Перья нам служат исправно.
«Арийцы» — Макс Мюллер⁴ изрек.
И вот мы, не зная тревог,
Решили, что каждый бенгалец — герой и пророк
И что не грех нам теперь отоспаться.
Мы не допустим обману!
Мы поднапустим туману!
Позор не признавшим величия Ману⁵!
Священный мы трогаем шнур⁶ и клянем святотатца.
Что? Мы не великие? Ну-ка,
Пускай клевету опровергнет наука.
Наши предки стреляли из лука.
Или об этом не сказано в ведах⁷?
Мы громко кричим.
Разве это не дело?
Доблесть арийская не оскудела.
Мы будем кричать на собраниях смело
О наших былых и грядущих победах.
В размышленьи святой пребывал неустанном,
Рис на пальмовых листьях мешал он с бананом,
Мы святых уважаем, но тянет нас больше к гурманам,
Мы приспособились к веку поспешно.
Мы едим за столом, ходим мы по отелям,
Не являемся в классы по целым неделям.
Мы чистоту сохранили, к возвышенным шествуя целям,
Ибо Ману прочли (в переводе, конечно).
Сердце при чтенье Самхиты⁸ восторгом объято.

Однако мы знаем: съедобны цыплята⁹.
Мы, три знаменитые брата,
Нимай, Непах и Бхуто,
Соотечественников просветить захотели.
Мы волшебною палочкой знания у каждого уха вертели.
Газеты... Собрания по тысяче раз на неделе.
Мы всему научились как будто.
Стоит услышать нам о Фермопилах¹⁰,
И кровь, словно лампы фитиль, загорается в жилах.
Спокойными мы оставаться не в силах,
Марафон вспоминая и славу бессмертного Рима.
Разве неграмотный это поймет?
Разинет он от изумления рот,
И сердце мое разорвется вот-вот,
Жаждою славы томимо.
Им бы хоть о Гарибальди¹¹ прочесть!
В кресло бы тоже могли они сесть,
Могли бы бороться за национальную честь
И за успехи прогресса.
Говорили бы мы на различные темы,
Сочиняли бы дружно поэмы,
В газетах писали бы все мы,
И процветала бы пресса.
Но об этом пока и мечтать неуместно.
Литература им неинтересна.
Дата рождения Вашингтона¹² им неизвестна,
Не слышали они о великом Мадзини¹³.
А ведь Мадзини — герой!
За край он боролся родной. Отчизна!
Лицо от стыда ты закрой!
Невежественна ты и поныне.
Обложился я грудями книг
И к источнику знания жадно приник.
Я с книгами не расстаюсь ни ни миг.
Неразлучны со мною перо и бумага.
Опахало бы мне! Кровь горит.
Вдохновеньем охвачен я властным.
Насладиться хочу я прекрасным.
Стать стилистом хочу первоклассным.
Во имя всеобщего блага. Битва при Незби...¹⁴
Читайте о ней!
Кромвель бессмертный титанов сильней.
Не забуду о нем до кончины своей!
Книги, книги... За грудой груды...
Ну, хватит читать!
Поясница болит у меня.

Эй, служанка, скорей принеси ячменя!
А-а, Нони-бабу! Здравствуй!
Третьего дня В карты я проиграл!
Отыгаться бы нынче не худо.

Перевод В.Микушевича

ДОЖДИ ИССЯКЛИ, ЗАЗВУЧАЛ РАЗЛУКИ ГОЛОС ОДИНОКИЙ...

Дожди иссякли, зазвучал разлуки голос одинокий.
Собрать напевы срок настал,— перед тобою путь далекий.
Отгрохотал последний гром, причалил к берегу паром,—
Явился бхадро, не нарушив сроки.
В кадамбовом лесу желтеет пыльцы цветочной легкий слой.
Соцветья кетоки забыты неугомонною пчелой.
Объята тишиной леса, таится в воздухе роса,
И на свету от всех дождей — лишь блики, отблески, намеки.

Перевод [М.Петровых](#)

Рабиндрат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.

ИНДИЕЦ, ТЫ ГОРДОСТЬ СВОЮ НЕ ПРОДАШЬ...

Индиец, ты гордость свою не продашь,
Пусть нагло глядит на тебя торгаш!
Он прибыл с Запада в этот край,—
Но шарфа ты светлого не снимай.
Твердо иди дорогой своей,
Не слушая лживых, пустых речей.
Сокровища, скрытые в сердце твоём,
Достоинно украсят смиренный дом,
Венцом незримым оденут чело,
Владычество золота сеет зло,
Разнузданной роскоши нет границ,
Но ты не смущайся, не падай ниц!
Своей нищетою будешь богат,—
Покой и свобода дух окрылят.

Перевод Н.Стефановича

Рабиндрат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.

ИНДИЯ-ЛАКШМИ

О ты, чарующая людей, о земля,
сияющая в блеске солнца лучей,
великая Мать матерей,
Долы, омытые Индом шумящим, ветром - лесные,
дрожащие чаши,
С Гималайскою в небо летящей снежной короной своей;
В небе твоём солнце взошло впервые,
впервые леса услышали веды святыи,
Впервые звучали легенды, песни живые,
в домах твоих и в лесах, в просторах полей;
Ты - вечно богатство цветущее наше,
народам дающая полную чашу,
Ты - Джамна и Ганга, нет краше, привольней,
ты - жизни нектар, молоко матерей!

Перевод [Н.Тихонова](#)

**Рабиндранат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.**

К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Лес верни нам. Возьми свой город, полный шума и дымной мглы.
Забери свой камень, железо, поваленные стволы.
Современная цивилизация! Пожирательница души!
Возврати нам тень и прохладу в священной лесной тиши.
Эти купанья вечерние, над рекою закатный свет,
Коров пасущихся стадо, тихие песни вед,
Пригоршни зерен, травы, из коры одежды верни,
Разговор о великих истинах, что всегда мы в душе вели,
Эти дни, что мы проводили, в размышленья погружены.
Даже царские наслаждения мне в тюрьме твоей не нужны.
Я свободы хочу. Хочу я снова чувствовать, что лечу,
Чтобы снова вернулись силы в сердце мое, хочу.
Знать хочу, что разбиты оковы, цепи хочу разъять.
Вечный трепет сердца вселенной хочу ощутить опять.

Перевод [В.Тушновой](#)

**Рабиндранат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.**

КАРМА

Я утром звал слугу и не дозволялся.

Взглянул - дверь отперта. Вода не налита.
Бродяга ночевать не возвращался.
Я без него, как на беду, одежды чистой не найду.
Готова ли еда моя, не знаю.
А время шло и шло... Ах так! Ну хорошо.
Пускай придет - я проучу лентяя.
Когда он в середине дня пришел, приветствуя меня,
Сложив почтительно ладони,
Я зло сказал: "Тотчас прочь убирайся с глаз,
Мне лодырей не нужно в доме".
В меня уставя тупо взор, он молча выслушал укор,
Затем, помедливши с ответом,
С трудом слова произнеся, сказал мне: "Девочка моя
Сегодня умерла перед рассветом".
Сказал и поспешил скорей к работе приступить своей.
Вооружившись полотенцем белым,
Он, как всегда до этих пор, прилежно чистил, скреб и тер,
Пока с последним не покончил делом.

* Карма - *зд.* воздаяние.

Перевод [В. Тушновой](#).

Рабиндрат Тагор. Лирика.

Москва, "Художественная Литература", 1967.

КЛИЧ

Не сможет вспять нас повернуть
Никто и никогда.
А тех, кто преградит нам путь,
Несчастье ждет, беда.
Мы пути рвем. Вперед, вперед —
Сквозь зной, сквозь холод непогод!
А тем, кто сети нам плетет,
Самим попасть туда.
Беда их ждет, беда.

То Шивы клич. Вдали поет
Его призывный рог.
Зовет полдневный небосвод
И тысяча дорог.
С душой сливается простор,
Лучи пьянят, и гневен взор.
А тех, кто любит сумрак нор,
Лучи страшат всегда.
Беда их ждет, беда.

Все покорим — и высь вершин,
И океан любой.
О, не робей! Ты не один,
Друзья всегда с тобой.
А тем, кого терзает страх,
Кто в одиночестве зачах,
Остаться в четырех стенах
На долгие года.
Беда их ждет, беда.

Очнется Шива. Протрубит.
Взлетит наш стяг в простор.
Преграды рухнут. Путь открыт.
Закончен давний спор.
Пусть взбитый океан кипит¹
И нас бессмертьем одарит.
А тем, кто смерть, как бога, чтит,
Не миновать суда!
Беда их ждет, беда.

Перевод А.Ревича
1916

Примечания:

1. *Пусть взбитый океан кипит...* — По мифологическим представлениям древних индийцев, боги (дэвы) и их соперники асуры, для того чтобы извлечь из Молочного океана скрытые в нем сокровища, стали его взбивать, подобно тому как взбивают молоко, чтобы извлечь из него масло. [Обратно](#)

Рабиндранат Тагор. Избранное.
Школьная библиотека. Перевод с бенгальского.
Москва: Просвещение, 1987.

КОГДА СТРАДАНИЕ ПРИВЕДЕТ...

Когда страданье приведет
Меня к порогу твоему,
Ты позови его и сам
Дверь отвори ему.
Оно все бросит, чтоб взамен
Изведать рук счастливый плен;
Тропою поспешит крутой
На свет в твоём дому...
Ты позови его и сам
Дверь отвори ему.

От боли песней исхожу;

Заслушавшись ее,
Хоть на минуту выйди в ночь,
Покинь свое жилье.
Как стриж, что бурей сбит во мгле,
Та песня бьется по земле.
Навстречу горю моему
Ты поспеши во тьму,
Ах, позови его и сам
Дверь отвори ему.

*Перевод Т.Спендиаровой
1906*

**Рабиндранат Тагор. Избранное.
Школьная библиотека. Перевод с бенгальского.
Москва: Просвещение, 1987.**

КОГДА ТЕБЯ ВО СНЕ МОЕМ НЕ ВИЖУ...

Когда тебя во сне моем не вижу,
Мне чудится, что шепчет заклинанья
Земля, чтобы исчезнуть под ногами.
И за пустое небо уцепиться,
Поднявши руки, в ужасе хочу я.
В испуге просыпаюсь я и вижу,
Как шерсть прядешь ты, низко наклонившись,
Со мною рядом неподвижно сидя,
Собой являя весь покой творенья.

Перевод А.Ахматовой

**Рабиндранат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.**

КОГДА-ТО, СВАДЕБНЫМ СМУЩЕННАЯ НАРЯДОМ...

Когда-то, свадебным смущенная нарядом,
Здесь, в мире суеты, со мной ты стала рядом,
И было трепетно соприкосанье рук.
По прихоти ль судьбы все совершилось вдруг?
То был не произвол, не беглое мгновенье,
Но тайный промысел и свыше повеленье.
И прожил я свой век с любимой мечтой,
Что будем, ты и я, единством и четой.
Как из души моей ты черпала богато!
Как много свежих струй влила в нее когда-то!

Что создавали мы в волнении, в стыде,
В трудах и бдениях, в победах и беде,
Меж взлетов и потерь,— то, навсегда живое,
Кто в силах довершить?
Лишь мы с тобою, двое.

Перевод С. Шервинского

Рабиндранат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.

КТО ТЫ, ДАЛЕКИЙ? ЗАПЕЛА ВДАЛИ...

Кто ты, далекий? Запела вдали Флейта...
Качнулась, танцует змея,
Слыша напев незнакомой земли.
Чья это песня? В какие края
Флейта сзывает нас... флейта твоя?
Кружишься ты. Разметались, взвились
Волосы, кольца. Как ветер легка,
Рвется накидка твоя в облака,
Дугами радуги брошена ввысь.
Блеск, пробужденье, смятение, взлет!
В водах волнение, чаща поет,
Крылья шумят. От глубин до высот
Все раскрывается — души и двери,—
Флейта твоя в потаенной пещере,
Флейта к тебе меня властно зовет!
Низкие ноты, высокие ноты —
Звуков смешение, волны без счета!
Волны на волны и снова волна!
Звуки врываются в край тишины,—
В щели сознания, в смутные сны,—
Солнце пьянеет, тонет луна!
Танец восторженный ближе и ближе!
Вижу потайное, скрытое вижу,
Вихрем охваченный, в радости жгучей:
Там в подземелье, в пещере, в ущелье,
Флейта в руках твоих! Флейты веселье,
Пьяную молнию вырвав из тучи,
В землю врывается из темноты
Соками — в чампу, в листья и цветы!
Словно валы, напролом, сквозь запруды,
Внутрь сквозь стены, сквозь толщу,
сквозь груды Камня — в глубины!
Повсюду! Повсюду Зов и заклатье, звенящее чудо!

Мрак оставляя, Ползет вековая
Скрытая в сердце-пещере змея.
Свитая мгла Тихо легла,—
Флейта ей слышится, флейта твоя!
О, зачаруй, заколдуй, и со дна
К солнцу, к ногам твоим выйдет она.
Вызови, вызволи, вырви из теми!
В ярком луче отовсюду видна,
Будет, как пена, как вихрь и волна,
Слитая в танце со всем и со всеми,
Виться под звон, Распустив капюшон.
Как подойдет она к роще в цвету,
К небу и блеску, К ветру и всплеску!
Пьяная светом! Вся на свету!

Перевод З. Миркиной

**Рабиндранат Тагор. Лирика.
Москва, "Художественная Литература", 1967.**